

трилогия новелл

ДАЛЬ

НИКА ГОРН
квадрат одиночества

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ника Горн
Трилогия новелл «Даль»
Серия «Квадрат одиночества», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68542550

SelfPub; 2023

Аннотация

Поймай ее, если сможешь... Митька, Герман и Кит всю жизнь убегали от себя или бежали за собой. Ни достаток, ни лучшее место в стае, ни щемящая привязанность не смогли стать для них той точкой опоры, из которой бы не хотелось мчаться, сломя голову, в даль. Свобода быть собой – роскошь, доступная каждому. Но как ее достичь? В какую сторону за ней бежать? Кто из них успеет это понять? Чей бег внезапно оборвется? Читайте в трилогии новелл Ники Горн «Даль».

Содержание

От автора	5
Часть 1. Митька	8
Глава 1.1. Хороший парень	8
Глава 1.2. Десять капель дождя	15
Послевкусие	36
Все пройдет	37
Чужие руки	38
Далеко	39
Кружева	40
Эхо	40
Глава 1.3. Мне бы в небо	42
Глава 1.4. А что, так можно было?	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Ника Горн

Трилогия новелл «Даль»

У всего есть предел: в том числе у печали.

Взгляд застревает в окне, точно лист – в ограде.

Можно налить воды. Позвенеть ключами.

Одиночество есть человек в квадрате.

Так дромадер нюхает, морщась, рельсы.

Пустота раздвигается, как портьера.

Да и что вообще есть пространство, если

Не отсутствие в каждой точке тела?

И.А. Бродский

От автора

Самое интересное – это, пожалуй, то, что, когда открываешь первую страницу первой главы, часто вообще не представляешь, о чём будет повествование. То есть, идея генеральная есть, а оболочка ее отсутствует. Но когда начинаешь писать первое, второе, десятое предложение, не думая об оболочке, и уже почти забыв об идее, все получается настолько складно, что немедленно хочется наградить себя чем-то неизменно темно-горько-сладким. Ну, потому что я допускаю, что многие авторы пишут, а потом мучительно долго зачёркивают, исправляют, переписывают. Я же не переписываю. Да, я правлю какие-то технические моменты после того, как, перечитав на следующее утро записанный отрывок, точнее не перечитав, а переслушав его, потому что в звуке всегда отчетливо слышны шероховатости, и неточности, и какие-то неблагозвучные, немелодичные моменты речи. И, конечно, я подправляю какую-то мелочь: окончания, пунктуацию, иногда удаляю повторы, или целые главы, но я точно не переписываю...

Все это происходит, если посмотреть на это сверху, это происходит помимо меня. Я в этом процессе только субъект, который набирает текст, статист. Я не создаю заранее сцену, которую потом старательно и подробно записываю, не выдумываю ее, долго всматриваясь в даль. Наоборот, она в

какой-то момент просто подсвечивается в моей голове, будто фон гаснет, и прожектор внимания выхватывает ту самую картинку. То есть, я вижу сюжет, точнее, вижу эпизод. И я вижу его быстро-быстро, будто бы в ускоренной съемке. В этот момент я, как многие авторы рассказывают, стараюсь взять что-то отображающее печатные знаки, и конечно, зафиксировать. Долго держать картинку в голове не получается, она сменяется другой и забывается. Пожалуй, это самый кайфовый момент, самый классный – это рождение чего-то, в моем случае трогательного и витиеватого, из ничего. Это круто, ради этого момента хочется повторять это снова и снова.

Обдумывая эту мысль, я руками была занята дюжиной рубленых куриных котлет: достала с вечера выложенную из морозилки порцию куриной мякоти, не без удовольствия вскрыла упаковку (вскрытие чего-то всегда приводило меня в восторг), помыла мясо, нарезала его сначала тонкими полосками, затем маленькими и ровными кубиками, как раз тот момент, когда на кухне появился сын.

– О! Ты же будешь котлеты. – обратилась я к нему. – Вот, решила сделать рубленые сегодня.

– Да, котлеты супер, из курицы я вообще могу есть все, что угодно. Только давай сделаем их в панировке из кукурузных чипсов, я сейчас тебе помогу.

Парень вынул из нижнего ящика кухни пачку кукурузных чипсов, несколько раз прокатился по ней скалкой и превра-

тил её содержимое в мелкую хрустящую крошку цвета куркумы.

– Хм, давай попробуем, должно получиться интересно.

Я принялась лепить котлеты, выкладывать их идеальными овальными порциями на сковородку как раз в тот момент, когда высветился тот самый сюжетный поворот.

– Я придумала, я наконец-то это придумала, прямо сейчас долепила эту третью идеальную шайбочку и придумала. Ты же знаешь, что я работаю сейчас над книгой об одиночестве, мужском одиночестве.

Сын вопросительно посмотрел на меня, пытаюсь понять, почему я в нарядном красном платье готовлю для него котлеты в столь ранний час, и при чем здесь одиночество. Он методично заваривал чай, и тут уже его осенило, что это будут самые вкусные котлеты в его жизни.

– Только не забудь, как в прошлый раз добавить, что все события вымышлены, а совпадения случайны. – посоветовал начинающий кулинар.

– Во-о-о-т! А я все думаю, что же я такое самое важное забыла. Светлая ты моя голова!

Часть 1. Митька

Глава 1.1. Хороший парень

В колонках играет:

Forever young, Alphaville.

Митька всегда был далеко, как блики на морской глади, как крик чаек, разрезающих крыльями ветер, как свет маяка на уходящем глубоко в волны самом опасном мысе. Даже когда он входил за мной в кабину лифта почти вплотную, так что его дыхание уже бежало дрожью по моей спине, он одновременно был невообразимо далеко. Эта даль всегда отчётливо читалась в его взгляде, она песчинками проскальзывала сквозь мои пальцы, цепляющиеся за его, Митькино, отсутствие.

Я с ходу подметила в нем эту фирменную германовскую манеру быть невообразимо далеко. Где-то недели две после знакомства я ухватилась за неё и выстроила на одной лишь ней отменную резервацию для своего одиночества. Одиночество Митьки чихать хотело на мою цепкость и взяло от неё только то, что требовалось холостяку, ну, или почти холостяку: пару помятых ночей, пару тонн стёртых ожиданий и пару опоздавших, оглушительных мыслей о том, что он однажды

словил счастье от того, что я держу его за руку.

Митька был хороший парень, но ему был противопоказан городской режим. Он всегда знал, что его ждёт другой путь, возможно, даже на другом конце света. Там, где все видели стабильность и возможности, Митька упирался в «step by step пока от монитора не ослеп» и сокрушался от скуки ходить по протоптанным дорожкам прямо до почетного звания начальника какой-то там нахрен никому не нужной бизнес-единицы. Для него эта бизнес-единица приравнивалась к нулю и обесценивала все его существование. Вырваться из возможностей бизнес-ноля было тем более эмоционально затратно в силу того, что в его тлеющие надежды то и дело подкидывали охренительных горожанок: сочных, зеленоглазых, пульсирующих интеллектуалок. В них было все, что так манило Митьку. Все, кроме моря и свободы. Они обольщали его, сбивали его с вольного фарватера своими земными планами и всячески опресняли его даль. На одной из них он даже женился и даже пожизненно был окрылён ее прелестью. Но ветер снился хорошему парню три раза в неделю. Он мешал вовремя сдавать финансовую отчётность и следить за потребностями окрыляющей, которая, как потом выяснилось, носила то же редкое имя, что и я.

Кира так же обворожительно лепетала по-французски, была похоже физически сложена, и во взгляде ее струилась мерцающая ворожба. Ее ладное амазонское тело не редко сравнивалось с другими, моим, в частности, но достойных

аналогов так и не было выявлено. Тем не менее, даже оно не выдерживало сравнение с далью. Даль была для Митьки абсолютom. Какие отчёты, какие Киры, когда там где-то его ждёт настоящая бескрайняя безмятежность?!

Но до острого осознания этого вопроса Митька барахтался в ненавистном ему столичном барабане целых без двух недель тридцать лет. В редакцию, где томился хороший парень, я пришла солнечным сентябрьским утром в том возрасте, когда еще хочется доказывать, что ты стоишь дороже и можешь круче. Поэтому мне доверили авторскую колонку о строительном буме, который Москва переживала уже пятый год.

День был настолько хорош, что в редакции было пусто, ну, то есть, совсем. Вскоре мне объяснили, что там у них свободный график, но жесткие дедлайны – давай материал вовремя и гуляй сколько угодно. После сурового надзора предыдущего работодателя, объяснительных об опозданиях и отлучках, укоры коллег, если тебя чаще других отправляют на выездной репортаж, после коллективного выжимания максимума из ушедших в ночь командных игроков, привыкать к вольнодействию пришлось долго – дня три. Так как писала, если не сказать строчила, я всегда молниеносно, четко и по делу, большую часть рабочего дня приходилось слоняться по модному офису, пить чай, сидеть на подоконниках с видом на реку. Уловив, что мои дедлайны всегда закрываются раньше срока, участливое начальство решило нагрузить меня обще-

ственно полезным корпоративным трудом. Я, наивная, так обрадовалась, что согласилась еще до того, как мне озвучили суть вопроса.

Ох, если бы нашелся хоть кто-то, кто бы надоумил меня в оба уха: «Чуть помедленнее, кони». Но нет, «Быстрее! Выше! Сильнее!» неистребимо рвалось в бой. Войдя в кабинет по вызову главреда, по лицу моему пронеслась вопросительная волна, изогнувшая в высокую дугу мою правую бровь. По левую руку от начальства сидел хороший парень и загадочно улыбался.

– Что тут делает финконтроль? – медленно соображала я. – Это шутка или я чего-то натворила? Вроде ничего такого... ну, не отчиталась за прошлую командировку. Так я уже все подготовила, сейчас принесу, – мысленно оправдывала себя я.

– Привет, Кир, ты чего застыла? Проходи, – сказал главред.

– Знакомься, Дмитрий Владимирович, но для тебя просто Митя. Верно? – подмигивая улыбающемуся, продолжал главред. – Митя любезно согласился возглавить наш Team spirit project, но ему нужен контент и мотивация. В тебе этих двух составляющих в избытке. Уверен, вы поладите.

– А что такое Team spirit project? – без особой веры в избыток уточнила я.

Очевидно, главред не знал перевод громкого названия и, чтобы не облажаться прилюдно, перешел на знакомый рус-

ский:

– Дело, собственно, вот в чем: мы идем в ногу со временем, а чаще даже с опережением, а наш сайт давно покрылся мхом. Надо бы освежить и добавить к нему закрытый блок для общения и поднятия бойцовского, в смысле, командного духа. Митя отлично разбирается в программировании, а ты умеешь работать с аудиторией. Вопросы? – произнес он так, будто еще неделю назад передал мне в руки развернутое ТЗ на модернизацию сайта.

– От вас для начала требуется концепция модернизации внешнего сайта и идеи по наполнению внутреннего сайта: афиша, объявления, поздравления, доска почета и прочее, – пояснил хороший парень с видом будто он собаку на этом съел.

– Отлично, вопросов нет, – не выдержав паузу и в пять секунд и не дав мне вклинить и слова, подытожил главред и воодушевленно добавил, – за работу!

Вопроса на самом деле было два. Первый: «При чем здесь финконтроль и программирование?», второй: «Какого хрена ты, Кира, не можешь сделать вид, что пашешь от заката до рассвета, чтобы тебя не привлекали ко всякой ерунде?».

Нет, был еще один вопрос: «Почему его улыбка лишила меня, разговорчивую, дара речи?»

Я видела Митьку раньше пару раз мельком, и оба раза меня не вдохновили. Сначала он заигрывал с новой секретаршей, потом с помощницей замглавреда. Я тогда подумала:

«Вот ведь бабник!» – и еще добавила – «Красивый какой, гаденыш».

Главным Митькиным оружием была надменность и баритон. Он умел смотреть так хитро, что становилось щекотно лопаткам. Среднего роста, коротко стриженный гладковыбритый шатен с волевым подбородком, еще более волевым носом, с ямочкой на левой щеке оказался восхитительно словоохотлив и остер. Его ловкий юмор смел мою деловитость и целеустремленность на третьей минуте обсуждения поставленной начальством задачи и осчастливил капитана (его же назначили руководителем проекта) моей звонкой непосредственностью.

Он еще пока не знал, что его ждет в моем лице, но я уже точно знала, что если кольцо на пальце присутствует лишь в виде незагорелого ободка, и если он заигрывает с крупногабаритной «принеси-подай», то добыча из него выйдет отменная. Знаете, как бахнуть на Монмартре, для галочки, от скуки.

По законам кармы добычей-таки оказался вовсе не Митька, а я. Этот шустрый паренек за неделю до нашей встречи надоумил главреда во время пятничной тусовки на обновление корпоративного сайта, который он в глаза не видел, и указал на меня, как на самого ответственного сотрудника, который поможет ему переплюнуть конкурентов. Главред чуть поупирался. Мол, новенькая она, не шарит пока, на что Митька показал ему свои наработки (он действительно увле-

кался разработкой сайтов) и аргументировал тем, что рулить будет он, но ему нужны руки.

– Руки у нее нежные, – смакуя третий стакан виски, согласился главред. – Я бы и сам, но у меня спину прихватило. Забирай.

Сучий патриархат в который раз констатировал незаменимость женских рук и снова упоролся до полной отключки.

Глава 1.2. Десять капель дождя

В колонках играет:

Десять капель дождя, Танцы минус.

– Что так рано? – язвил бармен, протягивая Митьке первый из десяти заказанных заранее шотов, глядя на электронный циферблат на стене.

– Рано? Рано относительно чего? – усмехнулся Митяй, тяжело отрывая взгляд от огненной жидкости и перенося его на мигающую фарами витрину с проносящимся за ней потоком жизни.

– Хотя бы относительно настоящего момента? Час ночи, если что, – полируя потертую деревянную столешницу, улыбался в ответ выдавший виды философ барной стойки.

– А ты уверен, что он существует, этот твой настоящий момент? Он когда, по-твоему? До того, как я сейчас опрокину первый шот или после?

– Ты б еще попросил меня вспомнить будущее, – козырнул бармен.

– Е-е-е, старина Кэрролл... – довольно протянул хороший парень, – давай второй. Я сегодня тут до утра. Мозг находится в мире, а мир находится в мозге. А кто автор? Что чем порождается? – гипнотизируя витрину, отозвался заядлый читающий двоечник.

– Строго формально, миру, как и мозгу, абсолютно все равно. Корреляция не приводит к причинности. – гнул свою диалектику бармен.

– Ого! Ты откуда такой взялся?

– Из Питера я, СПбГУ, кафедра проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук.

– За стойкой московской рюмочной? Да ладно. Пожалуй, мне нужен третий.

– Не части, – забирая пустые склянки, советовал бармэн, – А по поводу стойки... Наукой сыт не будешь. Девчонка у меня столичная, на белые ночи в прошлом году приехала погостить на Алые паруса. Закрутилось. И вот я здесь.

– Понимаю. Всегда быть наблюдателем, а не участником – вот в чем страдание. И что, бросил и науку, и Питер ради столичной?

– Да, пошел ты.

Бармен поставил третий шот перед клиентом и уткнулся в ноут, делая вид, что занят.

Митька опустошил третий и достал из кармана вибрирующий телефон. Пришло сообщение от бывшей жены:

«Ты заедешь завтра? У Анюты утренник, не забыл?!»

– Забыл, – признался сам себе папаша и добавил, – если завтра в восемь я должен быть у садика, мне бы пора закругляться.

Но тут со спины его обняла массивная корейка:

– Здорово, братишка, – просипела она, постукивая его по

плечу. – Чего не набрал? Давно здесь?

– Хана, сорян, заболтался. Побудешь еще? – пододвигая ближайший высокий табурет, он жестом пригласил подружку составить ему компанию.

Снова завибрировал телефон, на экране высветился известный, безымянный номер. Митя пару секунд раздумывал отвечать ему или нет, в итоге, учитывая поздний час, нажал на зеленую кнопку:

– Привет, что случилось?

– Привет, эм... Мы можем поговорить? – выдавила из себя я, совершенно не представляя о чем будет разговор.

Я шла, озираясь, по темному переулку, проверяя попутно, взяла ли я кошелек и флэшку, которую завтра нужно было сдать начальству. Руки тряслись, но смогли нащупать на дне тоута оба искомых предмета.

– Где ты? Почему так поздно? – с удивительной ясностью и неподдельной тревожностью, несмотря на три порции огня, поинтересовался Митя.

– Я на улице. Могу взять такси и приехать, куда скажешь. Вон как раз они стоят у остановки.

Таксисты действительно кучковались под фонарем, курили и жестом приглашали меня в первую машину. В ожидании ответа хорошего парня я так же жестом показала лицам кавказской национальности, что пока необходимости в поездке нет, потом отвернулась и долго чиркала зажигалкой, пытаюсь прикурить и холодея от мысли о том, что сейчас, возможно,

придется-таки воплотить свою дурную идею о том, что «это моя жизнь, и мне решать, как я буду ее ломать».

Митя хоть и не слышал про «ломать», позволить мне ввязаться в историю не решился. Он назвал адрес бара, попросил номер такси и оставался на связи все двадцать минут, пока я ехала с вовсе не кровожадным джигитом. За эти двадцать минут он влил в себя еще три шота, а оставшиеся четыре достались кореянке. Я слышала, как она шепотом задавала вопросы обо мне:

– Кто такая? Почему не знаю?

Митька отшучивался и, пообещав, что расскажет в следующий раз, не без помощи Ханы плюхнулся в мое такси, едва оно припарковалось у бара.

Съемная квартира моего спасителя находилась на одиннадцатом этаже панельного дома в незнакомом спальном районе. Это была чистенькая, даже уютная, однушка с большим книжным шкафом, на открытой полке которого красовалось собрание сочинений Макса Фрая. Я тогда к своему стыду не читала этого автора. Слышала, но не читала. Взяла на заметку, и уже потом выяснила, кто стоит за звучным псевдонимом, моментально завладевшим моим воображением. Помню, я тогда подумала, что это, скорее всего, шпионский детектив, но все оказалось куда интереснее. Стоя там, у шкафа, в своих мыслях, я не заметила, как Митя подошел ко мне со спины с бокалом белого вина и окунулся носом в мои кудряшки.

Учитывая два бокала красного, выпитых мной накануне дома, зашкаливающий уровень адреналина от совершаемого безрассудства, третий бокал был осилен залпом, а четвертый оставлен полупустым прямо на полу в ванной, где нетерпеливый Митька довольно буднично утолил мой голод по Герману. После он утолил его снова на беспощадно скрипящем диване, потом, кажется, еще на полу... Вероятно, я тоже утоляла его голод по кому-то, что не мешало суррогатному насыщению нас обоих. Последнее, что я помню из той ночи и утра следующего дня, – это подушки... рыхлые, плоские подушки, от которых ныла шея еще три дня.

Митька был классный. Он не пытался мне понравиться, не пытался казаться лучше, чем он есть, никогда мне ничего не обещал. Он никогда мне не звонил, не писал дурацких сообщений. Он умел многоголосно молчать и смешить меня почти так же, как Герман. Они вообще были во многом похожи. Не внешне, конечно, (внешне на Германа был похож разве что Че), а тем, что мимолетно считается с первого вдоха: кудрявой заносчивостью, чертиками под ресницами, сидящими на привязи до поры, непреклонной манерой себя держать и торсионным вектором пульсирующей мысли.

Так же, как Герман, Митька с детства сучал в окружении сверстников, использовал любой предлог, чтобы не вступать в бестолковый контакт с кем бы то ни было, поглощал тонны книг и мечтал стать капитаном желательного очень дальнего и безлюдного плавания. Я затылком чувствовала его одиноче-

ство, и оно вызывало во мне колоссальный интерес. Из него родилось полсотни забавных стишков, которые я в ручном переплете подарила ему на прощанье.

Митьке со мной было никак. Он вообще обо мне и думать не начинал. Его мысли всегда были за тысячу миль. Ну, может быть, самую малость, пару часов, проведенных без сети на суровой земле из габродиабаза. Он даже позволил мне присутствовать при его освоении нехоженых Валаамских троп, удостоил меня своего восхищения тем, как ловко и быстро я преодолеваю лесополосу с препятствиями, как я обреченно смотрю в даль, как не болтаю и не нарушаю его тишину, одарил меня удержанием моей руки на протяжении всей трассы Москва-Питер, спел мне «Десять капель дождя», собирая их губами с моего плеча:

«Десять капель дождя у тебя на плече,
ты забыла свой зонт, ты спешила ко мне.

Десять капель дождя на плече у тебя,
десять капель любви, десять капель огня».

(Танцы Минус)

* * *

Герман, органично нарисовался на моем пороге, с которого едва исчез Митька, без усилий вернул себе свои законные позиции, заботливо сравнял самые глубокие борозды, оставленные будущим капитаном на моей тонкой душевной организации, и окутал меня своим неземным покоем. Когда я опомнилась «в поисках Свана», оказалось, что со дня на-

чала его экспедиции прошло четырнадцать лет.

Я как раз тогда путалась в кладовке с ожидавшими красной дорожки героями, переставляла их с места на место, обещала, что скоро вернусь. Митькина надменность стояла чуть в стороне, за торцом высокого стеллажа, около стопки моей журнальной писанины, которую я зачем-то все ещё хранила. Она бросила на меня понимающий взгляд, и мне ничего не оставалось, как тут же найти его в запрещённой соцсети, чтобы вернуть его ненадолго в свой эфир.

Капитан привычно просматривал ленту раз в неделю. Был высокий сезон, когда сложно урвать свободную минутку. Мужчина любил своего белоснежного дромадера (так он называл лодку), следил, чтобы на нем все было, как положено, поэтому перепроверял все дважды, чтобы на штормящей вахте не гадать на русской рулетке: вернёт он туристов домой или все лягут на дно морское.

После обхода дромадера и устранения мелких замечаний Митя вернулся в сеть, подгоняемый желанием утолить своё любопытство. Ведь он увидел мое сообщение сразу, еще утром, но с непривычки не решился запустить его себе с ходу в кровь. Он сел на бетонный край причала, свесил ноги к зелёной послушной ряби, прочёл мой заход с фланга... улыбнулся, вспомнил десять капель дождя, а, спустя пару часов, на удивление, без ужимок пообещал выдать мне все явки и пароли своей невыполнимой миссии. И вот, уже через месяц маленькая русская девочка прыгала от радости по москов-

ской квартире, держа в руках сдержанное слово черногорского капитана в формате аудиозаписи:

«Привет. Да, да, то самое: «Неужели». Я, наконец-то, нашёл время, чтобы... Ну, как время – настроение, чтобы сесть и что-то записать. Записать это, на самом деле, оказалось не так-то просто, как я думал. Я несколько раз уже собирался это сделать и начинал. Даже что-то наговорил, но какая-то получалась полная херня, что этот бред мне просто было стыдно и неприятно отправлять, поэтому ничего не отправлял. Ну, сорян. Да, я с годами стал хуже. Я неприятный, я прекрасно это понимаю. Поэтому, честно говоря, я уже не сильно переживаю, когда люди догадываются, что я неприятный. Уж извини, как есть.

Та-а-ак, ну, я, честно говоря, даже не знаю, с чего начать. Как я понял, тебе нужен надлом, драматизм и уникальный опыт. Я надлома не обещаю, драматизма тем более. Не знаю, давай попробую описать, начиная с детства. С детства это прямо совсем тяжело, потому что я ни хера не помню свое детство. Абсолютно ничего, потому что... Не знаю даже...»

Митька помолчал и продолжил:

«Пожалуй, мне не было интересно в моем детстве, не было интересно учиться в школе, не было интересно общаться с одноклассниками, ни хера не было интересно. К сожалению, или, к счастью, тогда не было компьютерных игр. Если бы они были, я бы, наверное, ушёл в них с головой и оторвался бы как-то от реальности, но их не было. Поэтому реальность

была отвратительной. Она мне безумно не нравилась. Всё не нравилось: ни одноклассники, ни друзья во дворе, ни школа, ни-че-го. И поэтому я читал, я читал очень много книг.

Моя мама, если помнишь, была учительницей начальных классов. Я шел с опережением с рождения».

Митька засмеялся и выдохнул пар от вейпа:

«Я начал читать года в четыре. Моя первая книжка, как сейчас помню, была «Маленький мук», а дальше я читал только про море. Я лет, наверное, в шесть прочитал Джека Лондона, Рафаэля Сабатини, Жуля Верна, естественно, ну, и всякое такое. Потом я много раз перечитывал Сабатини и Лондона я читал, наверное, в своей жизни раз десять точно. Книжки про море были моим всем, были моим детством. И в этих книжках... Я просто в них уходил, укрывался от реальности. Мне, в принципе, с каким-нибудь там Диком Сэндом было гораздо интереснее, чем с каким-нибудь Васей Ивановым из соседнего подъезда. Ну, потому что Дик был крутой чувак, в пятнадцать лет водил корабль. А товарищ Иванов был такой же обалдуй, как и я, который не хотел учиться и получал двойки. Ну, в общем «такое». Короче, школа мимо, школа абсолютно мимо, институт – первое высшее – тоже мимо. Я шел в институт с воодушевлением, какие-то у меня были идеалистические взгляды, что вот я такой сейчас иду учиться на инженера, это всё такое интересное. Но...

Митька снова вздохнул и втянул в себя пар:

«Через три месяца после начала обучения (в девяносто

седьмом году я поступил в институт), ну да, где-то к Новому году я понял, что это снова полная херня, и я явно не туда пошёл.

Вместо учебы я затусил с чуваками, которые учились на пятом курсе. Или там у них чуть ли не преддипломная практика? Была веселая компания, то есть, я первокурсник, они пятикурсники, все это было очень здорово, но на учебу я конкретно подзабил. Каким чудом я проскочил это первое высшее, не загремел в армию, я не знаю. Я всегда был везунчиком.

У меня есть очень много историй, как я на шару сдавал всякие зачёты-экзамены, когда мне просто ну, охренительно везло. Там, видать, каким-то высшим силам нужно было, чтобы я всё-таки проехал этот этап своей жизни и не получил каких-то больших синяков за это, типа не улетел в армию и не сломал этим свою жизнь. Но я был, не знаю, я абсолютно точно уверен, что на своем потоке в универе я был самым везучим чуваком.

Именно об этом мне сказала, э-э-э... Была такая, не знаю, может, она сейчас жива ещё... Была такая женщина Трофимова – это автор самого известного учебника Советского Союза по физике, физике для высших учебных заведений, технических высших учебных заведений. Трофимова, по-моему, её Таисия звали (хотя ей бы лучше подошло имя Надежда). Она преподавала в моем институте. Так получилось, что я однажды попал к ней на экзамен, хотя она у меня ничего

не вела ни семестра: ни семинара, ни лекции, но как-то я к ней попал, и, если вкратце...

Я каким-то чудом проехал на этот экзамен, хотя допуска у меня не было. Это была описка, просто ошибка в деканате, что меня допустили. Прихожу я такой нарядный, значит, к этой Трофимовой, беру билет, стреляю у ребят какие-то шпоры, че-то там пишу на листочке, вызываюсь минут через десять отвечать. Она меня поспрашивала немного, поняла, что я, в общем, плаваю между двойкой и тройкой, и сказала:

– Господин Ветров, напишите, пожалуйста, второе уравнение Шрёдингера для стационарных состояний и я поставлю вам тройку.

Я соглашаюсь. Очень долго, наверное, около часа сижу, пытаюсь вспомнить это уравнение. Как оно выглядит, я почти знаю, но не могу его вспомнить. Так вышло, что случайно, в тот день с утра, я увидел его в учебнике, это уравнение, то есть, я примерно понимал, как оно выглядит.

В общем, она с час где-то ждет моего озарения, ходит, принимает экзамены у других студентов, в течение часа несколько раз ко мне подходит, заглядывает через плечо, видит пустой лист. В итоге, в какой-то момент она садится рядом со мной и говорит:

– Ну, раз не написали, значит, два, – берёт мою зачётку, ищет последнюю запись.

Я сижу (какой там, девяносто девятый год, кажется) в убитом, советском инженерном институте: ужасные, грязные,

все исписанные парты – сажу над пустым листочком и говорю, точнее, хотел сказать:

– Вы знаете, я не смог вспомнить...

Но в этот момент я отодвигаю листочек и вижу, что у меня на парте, под листочком, написано второе уравнение Шрёдингера для стационарных состояний, и, поскольку я в этот день, когда ехал в институт на электричке, видел его в учебнике, я понял, что это именно оно. И оно совершенно случайно оказалось кем-то написанным на этой парте. И тут из моей фразы: «Вы знаете, я не помню», – получилась фраза: «Вы знаете, я вспомнил». И начинаю переписывать с парты. Трофимова это видит, улыбается, даже умиляется как-то, и, когда уже пишет мне тройку в зачётку, говорит:

– Господин Ветров, вы самый удачливый сукин сын, которого я видела в своей жизни.

Примерно так феноменальный преподаватель Трофимова, в общем-то, охарактеризовала то, как происходило мое первое высшее. Было очень весело тусить с этими пятикурсниками, но все равно мы с ними были все же не совсем на одной волне, потому что я первокурсник, они пятикурсники, мне восемнадцать, а им – двадцать три. Это пропасть.

Им было не очень интересно со мной, мне было не очень интересно с ними, я не знаю, что нас объединяло, почему они меня всё время звали. Можно было бы расценить как-то, что они хотели над малышом постебаться, но нет. У нас было какое-то такое, совершенно равное общение. Я подкалывал

их, они подкалывали меня, всё было достаточно неплохо. У меня там были какие-то девочки в их тусовке: то одна, то вторая, но не знаю, что меня с ними связывало. Честно, может, и знал тогда, но сейчас уже не помню. С одnogруппниками меня не объединяло ничего. Мне было неинтересно с ними абсолютно. От слова «совсем».

Моя рабочая карьера...»

Митька снова засмеялся:

«... началась с того, что я мыл автомобильные покрышки. Это был год, наверное, девяносто восьмой. Я учился на втором курсе института, может быть, и на третьем, может быть, девяносто девятый год. До этого еще занимался какой-то там такой мелкой коммерческой деятельностью, купи-продай. Студенту, ясное дело, нужны были деньги на сигареты и всё прочее. Какой-то знакомый сказал, что у него какие-то знакомые перцы открыли какой-то бизнес, и вроде им кто-то нужен. Мне дали телефон. Я позвонил, мне сказали приехать на Ленинский проспект, я приехал. Оказалось, что чуваки привезли огромное количество, просто крупнейшее количество бэушной резины из Германии, и мне сказали, что её нужно мыть, она вся грязная, её нужно мыть, платим пять рублей за колесо, и провели меня на этот склад.

Когда я вошёл, я понял, что это. Я..., честно говоря, у меня с памятью уже совсем плохо, я уж забыл... Чьи это были конюшни, которые он всё мыл-мыл, никак отмыть их не мог? Так вот это были те же самые конюшни, только вместо

навоза там были бэушные автомобильные покрышки из Германии. Я зашёл на этот склад и просто обомлел, попытался прикинуть, сколько это денег, если за каждое колесо платят пять рублей, и это мне показалось очень много. Это было огромное здание, холодный, очень большой ангар. Он в длину был, наверное, метров семьдесят, в ширину – двадцать пять. Он был завален покрышками высотой в два человеческих роста. И это было просто какое-то безумное количество покрышек, и они были все разной степени загрязнения: какие-то были такие, что тряпочкой протри, оно чистое, а у большинства же не было видно протектора, комок грязи. Но платили по пять рублей за колесо.

В общем, мне дали полный карт-бланш. Парень там среди них был шустрый, звали Марк, (имя такое редкое, я запомнил, надо же) сказал мне:

– Приезжай работать, когда хочешь, нужно мыть, собирать из этого комплекты, чтоб было по четыре одинаковых, отдавай чувачку в зону продаж. Продажник сидел целыми днями там, слушал какой-то там рейв. Не делал ни хрена, в общем-то, и у него была зарплата-фикс, а я по пять рублей за грязь. Жесть. Вспоминаю и думаю, какого черта я согласился.

Короче, десять покрышек – это пятьдесят рублей, соответственно, двести-триста рублей в день получалось. По тем временам для меня это было очень неплохо. Но я понимал, что сколько я ее не мою... Хожу я, мою неделю, а склад этот

не убывает и не убывает. И тогда у меня в голове созрел план. Я пошёл в ближайшую школу и нашел ребят, которые с радостью согласились получать по три рубля за колесо. Ребята начали мыть. В первый день их было пятеро, во второй – десять, в третий – пятьдесят. Когда, спустя пару недель, Марк приехал проверить, как продвигаются дела, он увидел полностью вымытый этот огромный склад: все колёса, аккуратно уложенные стопками, всё отмыто и отполировано. Он сильно удивился, долго наскребал денег, выдал мне пачку, и сказал:

– В ваших услугах мы больше, Дмитрий, не нуждаемся. Хорошо, хоть не кинул.

Я нашел ребят с той самой школы, выдал им по три рубля за колесо. Они, в свою очередь, тоже очень переживали, что я их кину. Естественно. Время было такое. Но, блин, как так-то. Я им все отдал.

С этого моя бизнес-деятельность, собственно, и началась. Именно с того, что я сидел один (а это была зима) на этом холодном, мокром складе, мыл, мыл и довольно скоро понял, что мне кайфово сидеть одному и мыть, потому что я знаю, во-первых, что я занимаюсь полезной деятельностью: я из чего-то грязного делаю что-то чистое. А во-вторых, я понимаю точно в каждую секунду времени, сколько мне за это заплатят. Я понимаю, сколько мне нужно. У меня есть конкретная цель на сегодня, и я ее достигаю.

В один из дней, это было самого начала, я позвал друга.

Он со мной помыл «конюшни» до обеда, но я очень сильно пожалел об этом, потому что за пятнадцать минут он меня просто достал своими разговорами. И мне нужно было ему как-то соответствовать, нужно было поддерживать разговор, быть приятным собеседником. Ну, «такое»...

Я понял, что одному мне сидеть и все это мыть, полировать гораздо приятнее, потому что я могу углубляться в дебри своих мыслей. И мне никто не мешает, мне максимально комфортно, за исключением того, что это был неотопливаемый склад и, в общем, очень было не полезно сидеть на холодной крышке с мокрыми руками. В итоге я, естественно, заболел. На этом моя трудовая деятельность с крышками закончилась и чёрный рабочий труд закончился, в общем-то, тоже, потому что, спустя две недели, как школьники вымыли весь склад, я пошёл работать программистом.

Я с чего-то решил, что я программист. Я пошёл не глядя, меня взяли, так как никто не мог проверить, умею я что-то или нет. И оказалось, что это было совсем не сложно. Года через полтора я стал достаточно продвинутым программистом. Моими клиентами были: аэропорт «Внуково», «Фондовая биржа РТС» и Министерство путей сообщения. В общем, я им писал всю бухгалтерию. Мне было, на удивление, достаточно любопытно развивать этот навык. Отличное занятие, сугубо для интроверта, никакого коллектива. Это сейчас все эти разделённые системы управления при написании какого-то backend, тогда этого не было ничего. Тогда ты пи-

сал всё сам, один. От заката до рассвета или от рассвета до заката копал и копал.

А потом мне надоело и я пошёл в финансисты. Взял какие-то книжки, разобрался буквально за пару дней с управленческим учётом. Оказалось, что это всё просто, какая-то херня собачья, а эти все мужчины, которые в дорогих костюмах ходят по мегадорогим офисам, – просто надутые пузыри. На самом деле они занимаются полной херней, потому что то, чем они занимаются, можно освоить за два дня. В управленческом финансовом учёте нет абсолютно ничего сложного, он примитивный. Бухгалтерский учёт еще примитивнее. Его придумал в XVI веке Лука Пачоли, какой-то там итальянец. Безграмотный, итальянский монах, ну, который умел какие-то потенциальные псалмы переписывать, придумал бухгалтерский учёт. Он элементарный, а управленческий учёт не сильно сложнее. Все они, кто годами учатся серьёзно в каких-то финансовых заведениях, и кидаются очень крутыми терминами, всё, что у них есть экспертного, – это то, что они знают эти термины, потому что любой смысл этого термина понятен абсолютно каждому человеку. Это всё очень несложно. И вся эта напускная ценность, она именно в этих красивых словах, которые звучат очень круто и неприступно.

В общем, за пару недель я написал полную автоматизацию этого управленческого учёта. Когда я выкатил это транспортной компании, оказалось, что я сделал настолько кру-

то, что их финансовый директор не смог с этим справиться. Меня позвал к себе владелец компании, минут за пять я его финансиста просто уничтожил, потому что оказалось, что чувак действительно ничего не вдупляет. В итоге этого финдира уволили, а мне предложили занять должность без какого-либо финансового образования. Так я стал финансовым директором.

У меня там даже был один товарищ, работал водителем владельца компании, очень смешной мужик. Мы с ним иногда тусили, пили пиво, катались по каким-то его друзьям, в какие-то автосервисы. Он был автогонщиком, и я, благодаря ему, тоже стал автогонщиком и выступил даже на нескольких, чуть не сказал регатах, на низких ралли. И даже где-то там победил, но это было «такое». Он закрывал мои потребности в некой яркой жизни, мне не обязательно нужно было эту жизнь проживать. Этот чувак был абсолютный пиздабол, он в минуту придумывал по двадцать каких-то историй, которые с ним вроде бы как случались, и он их живо так рассказывал и показывал, что и Немирович, и Станиславский были бы в восторге. Все прекрасно понимали, что с ним этого не случалось никогда. Потому что это невозможно в принципе, эээ, но никто его не перебивал. Это был такой запредельного уровня уже стёб над жизнью человеческой, над жизнью своей.

В общем, он был очень смешной, рассказывал он настолько это сочно, что я ему сопереживал, как будто бы проживал

какие-то истории, эти моменты либо вместе с ним, либо за него. В какой-то момент уже было непонятно, он рассказывает про себя или только что все придумал. Это было, как читать книгу, можно ставить себя на место главного героя, чем я в принципе и занимался.

В итоге мы с ним разругались, потому что чувак был... У него язык был, как помело, и он брякнул то, что сильно мне испортило отношения с кем-то, и, в общем, я понял, что лучше не увлекаться этим общением, что от него будут одни проблемы.

Я решил, что мне нужно податься в какой-то крупный бизнес, в нефтянку или в медийку. Собственно, там мы с тобой и познакомились. Сказать, что в медийке я разочаровался на третий день работы – это ничего не сказать, потому что в ней я разочаровался в первый день работы. Все эти люди, которые приходили ко мне на собеседование, казались безумно интересными, и всё выглядело солидно. На самом деле, я очень скоро понял, что они занимаются какой-то полной херней. На программу, в которой вёлся учёт, были кинуты все силы. Но каждый раз, когда нужно было вытащить данные, это было всё очень сложно, криво и косо, на это уходило половина человека-дня. Я понимал, что это всё автоматизировать можно, и четырех человек, занятых в автоматизации, можно заменить двумя. Первый будет по-настоящему работать, второй – вбивать первичку. Всё!!! И программа будет выдавать ответ на любой поставленный вопрос за пятнадцать

минут, а не за полдня, как это тогда делалось.

Но, когда я попытался выдвинуть это свое предложение (я был достаточно робкий сначала, потому что мне казалось, что все эти люди безумно экспертные, по сравнению со мной), они начали мне говорить, что у них, оказывается, программа учёта уже в разработке. Мне намекнули, что те разработчики стоят гораздо дороже, чем я, поэтому они лучше меня. Ну, я и подумал: «Да и хер бы с вами. Копать и резать». И перестал в это лезть. Кроме того, кто-то из топов явно сидел на откате. А закончилось все тем, что было потрачено больше €100 000, но ничего не было реализовано.

Я готов был влиться в автоматизацию, но раз я понял, что никому это нахер не нужно, мне тоже перестало быть это нужно. И я гендиру сказал, что не во что вникать я не буду, буду делать то, что от меня хотят локально, и делать буду не очень хорошо. И именно этим я занимался три года, просто ходил на эту ненавистную работу. Почему? Да хер его знает. Мне не хотелось в тот момент ничего менять.

А этот совершенно никчёмный, корпоративный сайт, это был просто факап факапов. Сколько людей смотрели его? Ты знала? Этот внешний шедевральный сайт. Ну, это просто слёзы. Два человека в день. Но было очень прикольно им позаниматься с тобой. Именно прикольно, честно, для меня это был безумный стёб. Я в школе рисовал стенгазету, даже неоднократно рисовал стенгазету. Каждый раз это было какое-то там пионерское задание, и это был тот самый стёб.

Ну, я понимал, что нужно читателю, но мне никто бы этого никогда не разрешил писать. Потом, я уже не помню кто... Он со мной поговорил на эту тему или я с ним. И то ли мне выдали тебя, то ли тебе выдали меня, и сказали – работайте. Мы такие, совершенно ошарашенные, переглянулись, потому что не понимали, честно говоря, как и с какого боку припёку мы сюда попали».

Митька тут, конечно, чуток приврал. Я-то дополнено знала, кому кого выдали.

«Зачем нам нужен этот сайт? Прекрасно понимая, что нам за это не заплатят ни хрена, но зато мы с тобой прикольно над этим поработали. Это был очень смешной проект. Ты извини, если ты к нему относилась серьёзно, я очень надеюсь, что нет. Я очень рад, что познакомился с тобой.

В целом, медийка – это была какая-то очень странная страница в моей жизни. Я не понимаю, честно говоря, как я три года умудрился там отсидеть. Такой был период жизни, видимо. Я был разведен с первой женой, и со второй это всё было такое кривое, косое. Жил я один, и меня в тот момент это устраивало. Во всем был непонятный статус: с семейной жизнью, с женщинами, с работой. Мне хотелось чувствовать себя несколько заблудившимся, потерявшимся.

А дальше самое интересное и началось».

Я прослушала запись Митькиной исповеди трижды, затем предоставила моему электронному перу перевести ее в текстовые знаки с соблюдением норм русского языка. Получи-

лось двадцать страниц с трудом читаемой белиберды, которую мои, по-прежнему нежные, руки превратили в 12-страничный монолог о первых двадцати семи годах из жизни хорошего парня.

От себя добавлю, что, когда работа над тем факапным (по словам Митьки и моему внутреннему убеждению) сайтом была закончена, он буднично бросил меня. Знаете, как пылинку смахивают с плеча. Я падала, как та самая невидимая пылинка, медленно и временами мучительно настолько, что рифма то и дело выступала и моментально кристаллизовалась прямо на моих погасших глазах со свойственной падению образностью.

Послевкусие

Мне не больно, не обидно,
Мне уже совсем никак.
Не смешно почти, не стыдно,
Пустота и полумрак.

Недостойных, недопитых,
Пыльных мыслей лабиринт,
Уязвлено ядовитых.
С сорванной резьбой винт.

Безвозвратно, неизбежно

Запоздалый листопад
Так поспешно, так небрежно,
Оголил вишневый сад.

Отступаю, соглашаюсь,
Жду февральские метели,
Позволяю, унижаюсь.
Заржавели карусели.
Декабрь, 2007

Все пройдет

Он уйдет, но она не закончится,
Чуть померкнет сияние глаз.
Он уйдет, и ее одиночество
Разлетится осколками фраз.

Он уйдет, попрощавшись заранее,
Никуда, ни за чем, ни к кому...
В мире снов лишь оставив признание:
«Как же тошно ему одному».

Он уйдет по пескам перламутровым
В глубину африканских морей.
Он уйдет, и глаза ее мутные
Будут плыть в ожидании дней,

Когда сумрачный призрак сознания
Распахнет в бесконечность окно.
Все пройдет. И его очертание
Будет в вечности погребено.
Февраль, 2008

Чужие руки

Пусть тысячу раз не мой.
Я буду твоей заветной,
Рассеянной и смешной,
Загадочной, незаметной.

Пусть тысячу раз не в такт.
Ты будешь в моем разбитом.
Пусть небо, меняя фрак,
Считает тебя забытым.

Пусть каждый своей живет
И греет чужие руки.
Мы были знакомы год,
Лечили друг друга от скуки.
Май, 2008

Далеко

Скажи мне, что ты далеко,
Где ветер так греет душу.
Что там без меня легко,
Что смех мой тебе не нужен.

Скажи мне, что больше нет
Причины для возвращенья,
Что счастья нашел билет
Без адреса и назначенья.

Скажи мне, что все было зря,
А, может, и не было вовсе.
Что завтрашняя заря
Тебя обо мне не спросит.

Скажи мне, что это был сон,
Живое воображенье.
Что ты растворился в нем
Как в собственном отражении.

Июнь, 2008

Кружева

Сквозь нежности кружева
Мерещится ее образ.
Созвучия, не слова.
В груди вместо сердца – компас,

Направленный на восток
Алеющего рассвета.
В груди вместо сердца – ток,
Несдержанного поэта.

Оборваны провода
И стерты страницы судеб.
Разбитая глыба льда
Люпиновым полем не будет.
Август, 2008

Эхо

Без претензий на реальность
Без расчета на ответ
Подавляю мыслей дальность,
Не смотрю на млечный свет.

Сон короткими глотками
Утоляет лишь на миг.
И журавлик-оригами,
Не кричит уже. Привык.

Он простился с синевою.
На дворе стоял апрель.
Только слышит он, порою,
Слабым эхом слово «верь».
Октябрь, 2008

Глава 1.3. Мне бы в небо

В колонках играет:

Don't worry, be happy, Bobby macferrin.

Подсознательно я, конечно, понимала, что Митька бросил не меня. У нас не было ничего из того, что можно было бы бросить. Мы просто пересеклись пару раз, не потому что кто-то был кому-то нужен, а потому что у каждого были на то свои, не связанные с влечением и привязанностью причины. Он вышел из круга первым, так как его причины были исчерпаны. Ушел, улетел, уплыл, скрылся далеко-далеко, где ему просто кровь из носу приспичило найти себя. Это несколько облегчало мою неприкаянность. Все же, когда мужик уходит не к другой бабе, а чего-то там искать или доказывать, это вызывает даже некое сочувствие, желание похлопать по плечу, вместо любимого бабского вопроса: «Что со мной не так?»

Я снова открыла чат с Митькиной перепиской, извлекла оттуда второе аудиосообщение, трансформировала его в текст, отредактировала и несколько раз перечитала его потом вслух:

«Так, ну теперь, наверное, для тебя самое интересное начинается. Ты знаешь, конечно, какие-то совсем начальные отголоски про то, что я уехал в Дахаб. До Египта, до 2007 го-

да, я не ездил никогда и никуда. То есть, в сентябре 2007 года я покинул Россию в первый раз. Друг меня позвал. До того, когда был маленьким, ездил в Прибалтику, Литву, Латвию с родителями, но тогда это и заграницей-то особо не считалось, потому что это был Советский Союз. В Польшу еще на автобусную экскурсию заезжали. Но это в детстве, а тут мне двадцать семь, и я впервые сам поехал. Не спрашивай почему так. Не хочу об этом.

Итак, Хургада. Другу было, прежде всего, интересно знакомиться с девочками на пляже. Мне это было неинтересно совершенно. Я с ним пару раз потусил на этом пляже, и сказал:

– Бл*ть, Вован, какая-то херня, ну, какие тёлки, какие пляжи – это всё для чего? Зачем нужно было ехать на другой конец света? Ради чего? Чтобы тусить с телками на пляже? Я могу тусить с ними и не на пляже. Тут же надо на что-то смотреть? Мы же в другой стране.

– Ну, ок, давай пойдём гулять, – скрепя сердцем, согласился Вован.

Я без него не мог пойти, потому что для него это был десятый выезд за границу, а для меня первый. Я в общем-то боялся даже выходить из отеля. У меня ступор начался совершенный. Я был, как на другой планете.

И вот мы гуляли, гуляли, и нас цепанули какие-то чуваки, которые продавали духи из лотоса и прочую херню. Чуваки оказались достаточно забавные. Они с ходу предложили нам

кальян и каркаде, повели в подсобку в их магазине. Мой друг общался с ними на английском, я сидел и не мог сказать ни слова. У меня... Как будто я пожевал гудрон, который растаял и склеил мне зубы. Я в принципе понимал, что они говорят. Не всё, ведь мой английский был на безобразном уровне. Мне очень хотелось с ними разговаривать, но я боялся открыть рот.

На следующий день друг отказался со мной идти по тому же маршруту, потому что он опять познакомился с какими-то тёлочками на пляже, звал меня, но я сказал, что я даже смотреть не пойду, потому что мне это неинтересно, потому что мне хочется общаться с людьми с другой планеты.

И я пошёл. К тому магазину подходить было стремно. Решил мимо пройти пару раз, чтобы они меня сами заметили. И вот когда я проходил уже в третий раз, они меня узнали и позвали, как и в прошлый раз, пить каркаде и курить кальян. Они пытались со мной общаться, и я часа три просидел там, выдавив из себя слов пять: Москва, очень холодно, спасибо (когда мне протягивали очередную кружку каркаде), хау а ю, май нейм из Митя и ай эм твенти севен.

Вот это всё, что я мог сказать. Но я вернулся в отель в полной уверенности, что я пробую этот свой барьер. Я понимал, что это барьер не языковой, что в принципе моих, там, не знаю... Английский я мурыжил с пятого класса, и моих трехсот слов за глаза хватит для того, чтобы начать разговаривать. Проблема у меня не со словарным запасом, а с рас-

кованностью, с головой, с психикой. На следующий день я взял, да и сломал этот барьер, взломал настройки системы. Я пошел, снова пошёл к этим чувакам и начал из себя что-то выдавливать. Слово за слово. Предложение за предложением. В общем, разговорился, худо-бедно. А потом уже разговорился настолько, что они меня позвали на свадьбу брата друга брата».

Митька засмеялся.

«И представь себе, через пару дней я с ними вместе поехал в какую-то бедуинскую деревню на свадьбу. Я уехал один в пустыню к арабам-бедуинам, а ещё три дня назад я максимум, что мог сделать – сказать по-английски «привет».

При этом Хургада, чтоб ты понимала, была в те времена закрытым городом, потому что тогда лютовали какие-то суданские террористы, и белым людям было запрещено покидать город. Она вся была огорожена колючей проволокой и блок-постами. Поэтому меня вывозили с территории Хургады в багажнике, а завозили уже обратно в салоне. Всем было похер, кто там въезжает. Самое главное, чтобы из города не выезжали белые люди.

В общем, выехал я успешно в этом багажнике, веселился на этой безалкогольной свадьбе. Алкоголь они, естественно, не пьют, они же арабы. Было довольно забавно. Хотя по законам жанра меня должны были взять в плен, отрезать мне уши и, поняв, спустя три недели, что моя страна за меня не заплатит, отсечь мне башку и закопать в пустыне. Но, блин... мой

верховный проводник, видимо, уже пресытился таким исходом и ограничился исключительно кортизолом, который я вагонами извергал из себя, лёжа в том багажнике. Возможно, они пробили меня, сумку с документами я ведь оставил в салоне, поняли, что я никто, и им дороже будет меня мочить, чем отвезти обратно.

Когда в следующий раз друг предложил поехать снова в Египет, я сказал: «Конечно, да!». Только теперь это уже был не материковый вояж, а Дахаб – Мекка дайверов и серферов. По приезду мы сразу отправились искать дайв школу. Нашли, записались. На третий день встретили там Новый год. И мне все это безумно понравилось. Мы накурились просто в щи с бедуинами и с русскими. Была очень весёлая тусовка, и с какими-то даже там иностранцами. В общем, всё было очень прикольно.

Но самое главное, что я увидел в Дахабе, – это дауншифтеров. День, наверное, на третий или четвертый я из этого вполне себе приличного отеля с ол-инклюзивом переехал в растоманский кемпинг, где жили дауншифтеры. И у меня случился разрыв шаблона, который достиг своего апогея, когда я вернулся в Москву и вышел на работу первый день.

Работал я тогда вместе с тобой в дорогом офисе в самом центре Москвы и за хорошую зарплату, хотя занимался полной херней. Но при этом я увидел, что в том дахабском кемпинге люди, которые зарабатывали в месяц \$100, были абсолютно счастливы, уверены в завтрашнем дне. В то время

как я, работая в центре Москвы, несчастлив и не уверен в том, что завтра я буду хорошо себя чувствовать, и это был важнейший «приход» в моей жизни.

У меня началась безумнейшая депрессия. Я не понимал, как может быть, что человек, который живет на какие-то копейки, он счастливее, свободнее, чем люди вокруг меня в офисе, которых я вижу каждый день. Они все какие-то напыщенные, блять, закомплексованные, они все строят из себя каких-то серьезных, блять, когда являются полными говнарями. А чуваки в драных шортах, которые они носят третий год, абсолютно счастливы, и они не скрывают того, что они долбоёбы, и носят третий год одни и те же шорты, и все они рады тому, что они долбоёбы и все их за это и любят. Вот от этого у меня произошел абсолютный разрыв шаблона. Я решил, что что-то здесь не так, надо ехать жить туда, к ним, ну, потому что, наверное, они что-то больше знают о жизни, чем я.

Мой процесс увольнения был достаточно долгим, но в апреле я-таки уехал. Дальше все было очень печально. Мое воодушевление сдулось на второй неделе. Оказалось, что дауншифтеры все те же самые говнари. Просто у них шкала бахвальств, система координат другая. Если в Москве хвастаются костюмами, машинами, квартирами и бабами, то в Дахабе хвастаются шортами. У кого старее и дырявее шорты, тот круче. То есть, тот же самый курятник, где каждый стремится клюнуть ближнего и нагадить на нижнего. Оказалось,

что это то же самое просто с другой полярностью. И мне это всё, конечно, безумно не понравилось.

Разумеется, мне нужно было на что-то жить. Понятно, что я продал машину, и какие-то деньги у меня от зарплат оставались, но они быстро заканчивались. Я работал чёрным дэйвинструктором. Почему чёрным? Потому что не было инструкторской лицензии, но, тем не менее, я водил людей учиться дайвить. Я возил туристов на гору Моисея, поднимал их наверх, рассказывал, вёл экскурсии. Я работал в баре, был барменом. Я набивал баллоны для дайвинга, в дайв клубе. Занимался абсолютно любой херней. И мне это очень нравилось.

Я просыпался с утра, и у меня не было чёткого плана. Я просыпался и задавал себе вопрос, и мне очень нравилась именно такая трактовка: «Что мне хочется сделать сегодня?» Я не задавал себе вопрос: «Что мне надо сегодня делать или что кому-то надо, чтобы я сделал?» Если я не хотел делать ничего, я не делал ничего. Если я хотел пойти поработать барменом, попить блинчики, поварить кофе, пообщаться с людьми за барной стойкой, я просто шёл к приятелю и вставал за стойку. Говорил:

– Иди отдыхай, братан, я постою, чаевые мои.

Он отвечал:

– Прекрасно!

Я вставал за барную стойку и за день зарабатывал достаточно для моих скромных потребностей.

Если мне не хотелось стоять в баре, тогда я спускался в русский клуб, садился, заказывал у того же приятеля чашку кофе и смотрел по сторонам, искал новые лица. Ну, людей, которые только что приехали. Находил их по двум признакам. Во-первых, они новые, во-вторых они белые. А дальше уже очень аккуратненько я начинал к этим людям прислушиваться. Часто у них возникал между собой какой-то вопрос, и они такие:

– Ой, надо бы вот это узнать.

И я такой совершенно случайно как будто, сидя рядом:

– Извините, ребят, я случайно подслушал, вот я вам подскажу, вот это там, в это там...

Так завязывался разговор, в какой-то момент они проявляли интерес к чему-то, на чём я мог заработать, и я на этом зарабатывал. Бывали дни, когда у меня не получалось подцепить никаких клиентов, и я не сильно расстраивался. Здорово было каждый день задавать вопрос: «Чем я хочу заняться?» Это кайф. К сожалению, сейчас уже давно не так. Это был всего один период жизни, когда я делал вообще всё, что хотел, и занимался, чем хотел.

С другой стороны, я попал в мир арабов и бедуинов. Я ехал туда с большим сомнением, с большой тревогой, потому что это было после одиннадцатого сентября, когда усилилась волна американской пропаганды против Ислама.

Довольно скоро я понял, что я очень сильно ошибаюсь, что более честных, открытых и дружелюбных людей, чем му-

сульмане, вот те самые арабы-бедуины, (я не говорю про мусульман на Кавказе и прочих, я именно про тот ислам вокруг Саудовской Аравии, центр мусульманского мира) – я не встречал. Я не скажу, что они прямо сильно открыты. Я к тому, что никто там не замышляет никакой вражды против тебя, и никто не собирается ударить тебя в спину, потому что ты неверный. Это настолько говно собачье и не имеет отношения к реальности. Людей другой религии резать там никто не хочет от слова «совсем». Большинство из них наивные, внушаемые, искренние люди-дети. С ними было очень приятно общаться, гораздо интереснее, чем с русскими дауншифтерами.

Оказалось, что настоящие бедуины не живут в больших египетских городах. Я много ездил по аравийскому региону: был в Йемене, прожил несколько недель в Сане, потом на острове Сокотра. Я очень рад, что сделал это и съездил тогда, потому что сейчас этого мира вообще в принципе нет. Сам весь тот город Сана, который я увидел – вот это была действительно настоящая, другая планета. Я уже не боялся ничего: людей с другой культурой, с другим языком. Я уже достаточно комфортно себя чувствовал, находясь один в каком-то совершенно незнакомом мире.

Сана – столица и крупнейший город Йемена, один из старейших, постоянно населённых городов и одна из самых высоких столиц в мире. Город был заложен Симом, сыном Ноя, то есть, это один из самых древних, сохранившихся городов

на Земле.

И вот я увидел его таким, каким он существовал более тысячи лет: прекрасные памятники, великолепные городища, вырастающие прямо из каменных глыб, окруженные оборонительными стенами. Я был поражен богатым, ажурным, белоснежным орнаментом на терракотовых фасадах, нарядным, пряничным полотном плотно расположенных домов с плоскими крышами, решетчатыми, арочными окнами, наподобие венецианских, но более искусных и насыщенных разнообразнейшим декором, с многоуровневыми балкончиками, верандами и башнями. Там было колоссальное количество надписей, которые рассказывали об истории Йемена. Сказочный город, самый красивый из ранее виденных мной.

К сожалению, того города уже нет. Гражданская война и артобстрелы саудовских ваххабитов практически сравняли его с землёй. Ничего из того, что я увидел тогда, что осталось в моей памяти, уже нет. Как и не осталось и той Сокотры, которую я увидел в 2008.

Это был остров, на котором не было электричества, не было мобильной связи, были люди-дикари, которые ходили в юбках, мужчины, когда здоровались, приветствовали друг друга, не пожимая руки, а тёрлись носами. У них был свой, устный язык, письменного не было. Зато были бескрайние белые, песчаные пляжи, невероятные, сказочные деревья с пухлыми, неестественно расширяющимися к земле стволами и открытыми, безлиственными до середины, а часто и

до самой верхушки густо ветвистыми кронами, похожими на гигантские грибы с зелёными, пушистыми шляпами. Там были лазурные берега, населенные ярчайшей флорой и фауной.

По таким местам ездил какой-нибудь там, не знаю, эээ, Джеймс Кук. То есть, ну, совершенно дикое место, где белых людей трогали, потому что никогда не видели белой кожи. Это был безумно интересный мир, и я очень рад, что успел побывать там.

Кроме этого, я был в Эмиратах, в Сирии, в Дамаске, в Ливане. Я проехал всю Иорданию на велосипеде от Красного до Мёртвого моря. В общем, поносило меня в тот момент по миру знатно. Я ездил со своим другом, который, в общем, даже, наверное, еще больший интроверт, чем я. Мы за неделю общения могли друг другу сказать слов двадцать. И нам было очень комфортно вдвоём. Два человека, которым очень интересно самими с собой помолчать. Оба этих чувака понимали, что не нужно парить друг друга разговорами.

Но все равно это было несколько людновато».

Митька засмеялся и еле различимо отхлебнул неизвестно что неизвестно из чего.

«Самый кайф обнаружился совершенно случайно, когда знакомые позвали пойти на верблюдах по пустыне. Причём не в какой-то там разовый, дневной выход, а предполагалось, что мы будем идти чуть ли не неделю. В итоге мы шли восемь дней.

Сначала доехали на машинах от Дахаба на противоположную сторону Синайского полуострова. Дальше погрузились на верблюдов и восемь дней шли пешком, пересекая насквозь полуостров, шли обратно в Дахаб. И вот это был кайф!

Нас было восемь человек: трое русских, пятеро бедуинов. Я испытал запредельный уровень внутреннего комфорта. Для меня это было достаточно тяжело физически, потому что в тени (это был февраль, северная часть восточного полушария, то есть ну, всё-таки зима) даже зимой там плюс пятьдесят пять в горах, а ночью – плюс пять. То есть, ночью адски холодно, днём – адски жарко. Физически, физиологически это было достаточно тяжело переносить, но это был кайф.

Восемь дней абсолютного молчания, потому что верблюды идут не рядом друг с другом. Соответственно, когда я шел на верблюде, я погружался в безумный транс. В голове – сварившейся кисель. Мозги там превращались просто в какой-то, я не знаю, студень. Нет, не студень, жульен такой кипящий. Ты толком думать ничего не можешь. А еще и накуранный с утра, не потому что тебе захотелось какого-то там изменённого сознания, нет. Просто оказалось, что бедуины, пересекая пустыню, они либо курят, либо употребляют опиум регулярно, ежедневно, с самого утра. И это не придурь наркоманская, это физиологическая потребность.

В самый первый день мы вышли с рассветом, и в 09:00

было уже плюс пятьдесят. Я не курил, потому что я... Ну, курить траву с утра... Это просто какой-то бред. По мне так это был выкинутый день. Но мои друзья, двое русских, курили прямо с рассвета. Ближе к десяти я почувствовал, что сейчас потеряю сознание, а ребята, которые курили с самого рассвета, были бодрячком, ехали ровно, слушали музычку и даже пританцовывали. Я понял, что что-то здесь не так, и последовал их примеру. После этого я начал курить прямо с рассвета.

В пустыне запредельные условия для выживания. В жизни накурка – это потребность в изменённом сознании, а там – это необходимость, потому что она просто помогает тебе выживать. Организм гораздо проще переносит жару. Целый день едешь на верблюде, тебя никто не парит. Представь себе. Ты один со своими мыслями, и при этом ты не видишь ничего лишнего. Кайф!

Одно из самых красивых мест на земле – это горная пустыня. Песок и камни, и нет больше ничего. Ну, естественно, небо над головой. И это сочетание – небо, голубое-голубое небо, белый песок и красные камни. И вот этот вот триколор, который ты видишь на протяжении нескольких дней от рассвета до заката, погружает в транс: начинаешь ковыряться в мыслях, находить проблемы, начиная с детских, причем, разбираться с ними, вспоминать всю жизнь. Вытаскивать из себя то, за что годами себя корил, что поступил где-то неправильно. Но, вспоминая глубже, разбираешь ситу-

ацию по кусочкам, раскладываешь по полочкам, понимаешь, что в общем-то, ты правильно поступил, потому что если ты поступил бы иначе, наверное, было бы ещё хуже. А может быть, и было бы лучше, но ты поступил так, как поступил, и пора уже эту ситуацию отпустить, смириться, сделать выводы, не винить себя. Целыми днями так идёшь и думаешь. И в этом оказался самый-самый кайф.

Стоит ли говорить, что это был не последний мой выход в пустыню. После возвращения в Дахаб прошло, наверное, пару недель, и я понял, что я хочу туда снова. И хочу я в пустыню уже не в компании людей, а один. Я нашёл владельца верблюда, на котором я ходил в первый раз (верблюда я называл Вовкой), спросил, может ли он мне дать Вовку, чтобы сходить в пустыню. Он ответил: «Да, конечно, без проблем, бери». Я дал ему какую-то копейку и ушёл, как ты говоришь «по пескам перламутровым». Ты даже не знала тогда, что я там, может, фотки видела, правда, но четко уловила образ. Всегда знал, что ты умеешь.

Первый раз я ушёл на день. Пошёл с утра, вернулся вечером. А потом я начал ходить на несколько дней. И максимальный мой поход в пустыню в одного был где-то неделю. Это оказался еще больший кайф, чем тот первый! Хотя, куда уж, казалось бы, больше?

Все то же самое, как когда ты идёшь группой, ну, то есть у тебя триколор – белый песок, красные камни, голубое небо. Всё то же самое – тебя никто не парит, но при этом у тебя

появляется необходимость выживать, необходимость принимать жизненно важные решения. Когда ты идёшь группой, решения за тебя принимают бедуины. Ты для них...

Мы тогда в первый поход накурились вечером на привале и развели целую теорию из того, что очень прикольно устроена жизнь у бедуинов. Вот они катают нас, русских, по пустыне. Для того, чтобы заработать денег, им нужно провести из пункта А в пункт Б несколько объектов – это верблюды и белые. Соответственно, мы и верблюды для них – животное, низшие и высшие. При этом низшим животным является турист, а высшим животным – верблюд, потому что верблюд может вести туриста, а турист верблюда везти не может. Заработает бедуин только в том случае, если правильно построит логистическую и ресурсообеспечивающую цепочку.

В общем, вся забота, когда ты идёшь группой, ложится на плечи бедуинов. А вот когда я пошел один по этой самой пустыне, помимо того, что я был предоставлен снова своим мыслям, я ещё сам вынужден был быть озабочен своим выживанием и своими коммуникациями там, в пустыне. Там ведь достаточно много людей-бедуинов живёт. С ними для того, чтобы безопасно пройти по пустыне, нужно уметь находить общий язык. Это оказалось, достаточно интересно, и это тема для отдельного, наверное, очень длинного рассказа.

Что может происходить в пустыне и как? Скажу, во-первых, что бедуины – честнейшие люди. У них на самом деле там есть возможность взять чужое, этого чужого в пустыне

достаточно много, но при этом они не представляют, как это в принципе возможно, потому что это харам. Они не набрались, не знаю, как это лучше сказать, европейской идеологии «урвать побольше». С одинаковым образом мыслей они как жили полторы тысячи лет назад в этих самых пустынях, так и продолжают жить. У них не поменялось ничего, взять чужое для них – харам, обидеть гостя – харам. Совершенно честные, искренние, наивные люди с образом мышления на уровне семилетнего ребёнка. В школу они, естественно, не ходили, мира не видели. Они воспринимают мир безгрешного радостным, несмотря на то, что живут они в очень сложных условиях.

Если ты рассказываешь им про жизнь в большом городе, особенно не в Египте... Про то, что в Египте есть Каир, большой город, Александрия и всё прочее, они понаслышке знают, что вроде где-то есть. Ну, и хер бы с ним... Но когда ты начинаешь ему рассказывать, что существует совсем другая страна, где есть снег и всё такое, они слушают, как сказку, то есть они не верят, что это есть в мире. Очень, очень наивные.

Я много раз ходил по пустыне. Это был натуральный кайф интроверта. Я думал, что нет большего кайфа. Но нет... Оказалось, что есть кайф кайфовее. К нему я пришёл не сразу. Когда я начал в долгую уходить в пустыню и надолго уезжать в какие-то там соседние, сопредельные страны, и мне нравилось шататься, и я понимал, что мне не нужно особо ничего – пачка сигарет, рюкзак. И это, несмотря на то, что ещё ка-

ких-то полгода назад я жил в Москве, ходил в офис в самом центре Москвы, рядом с Кремлём. У меня были какие-то там дорогие костюмы.

И в какой-то момент сейчас мне кажется, я просто испугался своего... Запредельной свободы испугался и того, до чего это может довести, где в итоге всего этого шатания я могу оказаться. Понравится ли мне там? Будет ли у меня возможность из этого там вылезти? В общем, в какой-то момент мне показалось, что я скатываюсь в пропасть. И что это не закончится ничем хорошим. И поэтому я решил, что с этим надо завязывать».

* * *

«Я улетел в Москву. Интересный этап. Он не имеет отношения к одиночеству и всему прочему, но, тем не менее, достаточно забавный, прежде всего, для самого себя. В нем я почувствовал себя цельным, соображающим – это важно, знаешь, самого себя чувствовать умным.

В общем, я улетел в Россию, мне нужно было завязать немножечко с этой свободой и пожить более менее стандартной жизнью. Я полетел в Москву, поселился у родителей. У меня было тринадцать тысяч рублей, и мне нужно было чем-то заниматься.

Я долго думал, то есть я никогда до этого не занимался именно своим бизнесом. Какой-то мелкой коммерцией занимался, но своим бизнесом – нет. Пошатавшись, пожив в этом во всём мире и походив по пустыне, я понимал, что никогда

в жизни больше не смогу работать наёмным работником, потому что, ну, всё. Не мое это, терпеть ебланов и выполнять их поручения, это больше не моё. Все мои предыдущие работодатели были ебланы. Надо было сделать что-то свое. Ну, а что я мог сделать?

Это был 2008, получается, или уже начало 2009? Самый разгар кризиса во всём мире и в России в том числе. Народ сидел без денег, не продавалось ничего. Ну, в общем «такое». А я подумал, ну, надо, наверное, что-то продавать. Что же можно продавать, когда народ ничего не покупает? И этот мыслительный процесс занял у меня очень много времени, я не шучу, он занял минут пятнадцать.

Что русский человек будет покупать, когда у него плохо, все плохо в жизни – денег у него нет, ни хера у него нет? Что на последние деньги будет покупать русский человек? Бухло! Это совершенно логично – бухло, ну, потому что он русский. Так русский человек устроен: на последние деньги он пьёт для того, чтобы несколько заглушить страх того, что это последние деньги.

– Так, – подумал я, – бухло продавать я не могу, потому что на лицензии и акцизы денег я не наберу точно, потому что у меня в кармане тринадцать тысяч рублей, и всё, и больше у меня нет денег ни хрена.

Тогда, совершенно случайно, в моей голове всплыла фраза: «Дай человеку рыбу, и он будет сыт один день, научи человека ловить рыбу и...»

– Трам-пам-пам, – подумал я, – интересно, а самогонный аппарат – это же, наверное, запрещено?

Я полез в законодательство. И оказалось, что в 2001 году из Кодекса об административных правонарушениях убрали запрет на самогонование и на продажу самогонных аппаратов. И я был чуть ли не первым человеком в России, который это заметил.

В следующие пятнадцать минут я придумал бизнес-план, нашел чувачка, который сделал себе кустарным образом самогонный аппарат в гараже, и на форуме это запостил. При чем я, даже не созваниваясь с этим человечком, просто взял фотографию его устройства, первый раз в жизни открыл фотешоп с целью обтравки, поместил фотку на белый фон. Дальше подумал, что нужно как-то это всё попытаться продать. Не умея ничего делать толком в html, я разобрался за пару часов, и к утру у меня был готов сайт.

Надо сказать, что я сделал не сайт. Я сделал, наверное, одну из первых в России лендинг-page. Это был одностраничный такой сайт, на котором была фотография, название «Пчелка» (которая по моим задумкам должна была принести мне много-много меда), описание, цена, форма захвата, куда нужно было ввести свой телефон и нажать кнопку «заказать». Я сделал все буквально за три часа, причём без всяких там... Это сейчас здорово – конструкторы, всё прочее, а тогда – это все нужно было делать ручками.

Я сделал этот сайт, прикрутил к нему счёточки и лёг

спать. С утра я проснулся, залез на свой сайт, и понял, что у меня просмотров – один, и этот один – я. То есть больше никто, кроме меня, не смотрел. Я подумал, ну, значит, надо привлечь каких-то людей, чтобы они смотрели мой сайт, и снова полез в интернет. Оказалось, что есть такая штука, как Яндекс- директ. С ним я разобрался минут, наверное, за какое-то очень малое количество минут, и запилил рекламную кампанию. Вложил огромнейший на тот момент для меня бюджет – триста рублей. Через сутки получил две заявки и начал искать контакт этого чувака, который кустарно способен сделать самогонный аппарат.

Короче, нашёл, поехал к нему, начал договариваться с ним, что он будет делать. Он сначала испугался, что это какая-то контрольная закупка, что я из органов. В общем, больших трудов стоило его убедить. В итоге забрал я, выкупил у него пару-тройку аппаратов почти на все деньги.

Весь следующий месяц я херачил, как пчела. Купил один, продал по цене двух, купил два, продал по цене четырёх, купил четыре... Так вот крутился, крутился, крутился... и к концу месяца у меня было триста штук рублей, из тринадцати вложенных. Я практически не спал, не отдыхал, не ел, потому что мне было тупо некогда. И это был один из самых счастливых месяцев в моей жизни, когда я работал с максимальной стопроцентной самоотдачей.

Имея в кармане тринадцать тысяч рублей, можно было расплакаться от своего безысходного состояния, пробухать

эти деньги, а потом пойти искать работу по офисам. Я же включил мозги, не опустил руки, разобрался в том, чего не знал, и сделал. Было очень здорово поверить в себя и похвалить себя по-настоящему в кои-то веки. Сказать самому себе, что ты молодец и лучше бы, наверное, не сделал бы никто. Сам себя превзошёл. Это было очень приятно.

К сожалению, это единственный месяц в моей жизни, когда я мог сказать, что я превзошёл сам себя, потому что все остальное время, естественно, я себя ругаю, потому что я понимаю, что очень много не доделываю, ну, или не делаю вообще. Я был бы счастлив. Ещё бы одну такую неделю! Мне бы этой недели хватило на то, чтобы совершить просто гигантский прорыв по отношению к тому состоянию, в котором я нахожусь сейчас. Но, к сожалению, сейчас мне уже лень, тогда была мощнейшая мотивация, тогда хотелось резко изменить свою жизнь. Сейчас я уже понимаю, что мне не надо. И мне не хочется ничего менять.

Естественно, то была неделя полного одиночества, я не общался ни с кем, только с покупателями. Но это общением назвать трудно, согласись?

Я напомним тебе, что тогда ещё не было мобильного интернета, то есть все эти заказы – это было очень сложно. Я ехал, покупал аппарат, вез его на другой конец Московской области. Дальше мне нужно было как-то, где-то попасть в интернет. Сейчас здорово! Во-первых, есть интернет в телефоне, или в любом ресторане есть wi-fi. Тогда этого ничего не бы-

ло. В 2009 году в ресторанах было мало беспроводной связи, только в центре Москвы и всё. Мобильный интернет в телефонах только-только появлялся. Тогда это был JPS, который работал в час по чайной ложке и стоил, как крыло Боинга.

В общем, сделал я этот бизнес, за месяц поднял денег и понял, что это круто, и в принципе можно сделать из этого что-то интересное. Как-то раз, в пятницу вечером, я взял баночку пива, полез смотреть как делать интернет-магазин, ну, нормальный интернет-магазин. В понедельник в 07:00 я открылся, запустил новую рекламу. Потом у меня появился офис и наёмные работники, машина, личный водитель, а потом мне стало тупо лень всем этим заниматься. И дальше этот бизнес стагнировать несколько лет.

Я вложил не очень большое количество денег и сделал свое производство. У меня был производственный цех, на производстве работали человек, наверное, пятьдесят. Я делал не только самогонные аппараты, но и разные металлоконструкции, в общем, влез в бизнес, который был мне, ну, абсолютно не интересен. Я и металлоконструкции. В чем прикол?

Мне это всё не нравилось, поэтому я бизнес отпустил, на работе появлялся два-три раза в месяц от силы. Все были очень счастливы работать там, где никто мозги не парит, где директор не появляется. У меня там была вечная, итальянская забастовка, никто ничего не делал и получал за это зарплату. Тем не менее, до 2019 года этот бизнес приносил день-

ги, на которые я жил. Несмотря на то, что надоел мне в 2010 году, он девять лет ехал по накатанным рельсам, которые я ему в 2009 году наладил. Десять лет я получал дивиденды, не делая ни хе-ра, просто потому что был удачный старт.

И вот в какой-то из четвергов в 2010 году мне позвонил друг из Дахаба и сказал:

– Слушай, мы с друзьями, знаешь всех, едем учиться ях-тить. Хочешь с нами?»

Глава 1.4. А что, так можно было?

В колонках играет:

Синяя вечность, Муслим Магомаев.

«Я завис секунд на пять, охреневая от вот-вот надвигающегося на меня воплощения детской мечты, и, опомнившись, неуверенно уточнил:

– А что, так можно было?

– Ну, да, – хохотнул в ответ Вовка, – на яхтах же ходят люди, и поэтому это можно.

А у меня почему-то была уверенность, какой-то шаблон совка, что яхтингом, ну, чтобы стать яхтсменом, нужно заниматься с детства. Везде, где я был, то есть добрая половина арабского мира – это были города, в которых не было яхтенных марин. Ну, то есть я тупо не видел. Казалось, это какая-то картинка из другой реальности.

– Значит, можно. Тогда сколько это стоит?

– \$1 000.

– Сколько?

Ну, потому что, если бы это стоило \$10 000, я бы поехал и удивился бы, почему так дешево? Но это стоило \$1 000, то есть поехать на две недели, научиться за десять дней управлять яхтой, получить яхтенные права и возможность арендовать яхту стоило всего \$1 000.

Я напомним, что курс доллара тогда, в 2010 году, был... Сколько он был там – тридцать?

– То есть, моя мечта стоит тридцать тысяч рублей? – не укладывалось у меня в голове, – я зарабатываю в неделю от ста до пятисоттысяч, а научиться яхтить стоит тридцать тысяч рублей, и я до сих пор этого не сделал?

Меня это сильно удивило. Ведь море было интересно мне с детства. Я с этого начал, я в детстве читал книжки про море, я рассказывал уже, и только про море. И оказалось, что я не моряк. Почему-то это стоит полкопейки, и это реально. Я, естественно, поехал».

Я остановила запись, заварила себе ароматный, мятный чай и продолжила слушать рассказ хорошего парня:

«Мне сильно не повезло, была ушатанная лодка, мне попалась говношкола и говноинструктор. Это всё было отвратительно. Я за десять дней не научился ничему, и у меня возникло отторжение. Да, мне выдали яхтенные права, но я понимал, что мне стыдно было кому-то говорить даже, что я стал капитаном. Это были абсолютно незаслуженные права. Меня ничему не научили, я ничему не научился, и я почему-то капитан. Мне было стыдно перед Диком Сэндом, перед капитаном Бладом, что я тоже капитан. При этом я полный говнар, потому что я ничего не знал.

Я получил права в 2010 году и ровно год я в море не ходил, хотя тянуло безумно. Потом всё-таки пошёл, не выдержал. Нашёл такого же горе-выпускника, как я, который знал чуть

побольше, чем я, и мы с ним начали ходить вместе, арендовать лодки, набивать свои собственные шишки. В общем, я самоучка.

Меня это все тянуло абсолютно безумно. Мы ходили всё время малым экипажем и, как правило, так получалось, в длинные походы. То есть, не просто там идешь три часа, причаливаешь, гуляешь по берегу. Нет. Мне нравилось ходить долго, сутками. Напарнику тоже нравилось сутками. Эти люди, которых мы брали с собой для компании, нас не очень интересовало их мнение, они говорили:

– Ребятушки, давайте к земле, погуляем, там много интересного.

Мы отвечали:

– Нет, ребята, у нас маршрут, у нас есть такой-то план, и мы будем его придерживать.

То есть мы были в тех походах очень неприятными людьми, но, тем не менее. И мы получали, что я, что он, мы получали от этого яхтинга то, что хотели. Этот чувак был с каким-то количеством опыта, и я был с каким-то количеством опыта, но мы с ним ходили раза три или четыре, и всё время с нами были люди без опыта. То есть что получалось: мы идём довольно долго, он умеет управлять лодкой, я умею управлять лодкой, это всё, естественно, в кавычках, но, тем не менее, мы хоть что-то знаем, поэтому мы идём вахтами: то он сидит за штурвалом, я сплю, то я сижу за штурвалом, он спит.

И оказалось, что, несмотря на то, что у тебя на лодке есть какие-то люди, ты по сути один: либо занят, либо спишь. Прошло двенадцать лет, я уже не хожу на лодках, я живу в море. Моя жизнь – это море. Да, у меня есть место, ну, квартира, в которой я типо живу. Но в море я провожу гораздо больше времени. Там всегда есть люди, но при этом я всегда абсолютно одинок, потому что все задачи, которые я выполняю, выполняю я всегда один. Люди – это для меня какой-то сюр, глюк. Ну, появились какие-то люди, помелькали передо мной, уехали. Мне вообще пофиг.

Ты так долго ждала мою историю, потому что у тебя идеализированные представления о море. Ты думаешь, в море спокойно, тихо, одиноко. Это не так.

Во-первых, на море всегда беспокойно, громко и, блять, полно людей. Штилевая погода бывает не так уж и часто. Ну, всё равно, чем лучше погода, тем больше люди бухают. А я как капитан и человек ответственный, я вынужден за всеми присматривать. А в ветреную, близкую к штормовой, погоду мне с людьми на борту гораздо спокойнее, потому что они боятся окружающей среды. Я для них становлюсь в один уровень с самыми страшными богами. Они слушаются меня беспрекословно каждый раз, когда хотят что-то сделать. Они мне задают какие-то вопросы, спрашивают разрешения. В общем, я для них авторитет, номер один в этот момент.

Когда же море выглядит спокойным, для них нет авторитета, для них нет капитана. Это просто какой-то чувак, ко-

торый сидит и смотрит, как лодка куда-то идет, и не делает ничего. Они не видят моей экспертности в штилевом море, поэтому они начинают наступать на стакан и думать, что море всегда будет таким спокойным. Для них очень часто бывает холодным душем, что в море спокойного состояния нет, в море есть иллюзия спокойствия, но это не бесконечно. Рано или поздно она закончится. Где? Когда? В самый неожиданный момент и в самом неприятном виде. Люди этого не понимают, поэтому, когда море спокойное, беспокоен я. В плохую погоду в море я ходил уже абсолютно в разных условиях, и ничего этого не боюсь. Для меня это кайф. Но, тем не менее, это не говорит о том, что в море должно быть спокойно, нет, в море так не бывает.

Во-вторых, в море не тихо. Если нет ветра, лодка идёт на моторе. Мотор громкий, толком записывать аудио, сидя за штурвалом, невозможно, потому что слышно шум ветра и мотора, и это всё, в общем-то, выбешивает, мешает, портит запись.

В-третьих, в море не одиноко. Вокруг всегда есть люди, которые что-то рассказывают, пытаются у меня что-то узнать. Если хочу, отвечаю, не хочу... – я знаю миллион способов, как сделать так, чтобы от меня отстали и чувствовали себя при этом счастливыми. То есть, чтобы я их этим не обидел. Но записывать при них какое-то аудио невозможно, потому что они тупо слышат. Ограниченное пространство, ты не можешь там остаться один вслух, полностью откровен-

но сам с собой, даже если ты будешь в каюте что-то там надиктовывать, в соседней каюте это слышно. Ты всегда находишься с кем-то. А мне не хотелось бы посторонних посвящать в свою жизнь. Мне проще сделать это через твою книжку. Потому что никто не знает, кто такой Митька. Но кто такой Дима Ветров, люди, находящиеся со мной на лодке, прекрасно знают. И рассказывать свою жизнь им мне неинтересно. Зачем? Я выдаю своей жизни ровно столько, сколько нужно, чтобы им вернуться домой и рассказывать, что у них был просто охеренный бравый капитан.

Пожалуйста, у них на борту будет бравый капитан, компанийский чувак, который всех перепил. Мне нравится, когда от меня уезжают счастливые люди. Мне с этим очень комфортно, но другое дело, что они не знают меня настоящего, потому что получают того Митьку, которого хотят увидеть.

Что еще рассказать про яхтинг? Яхтинг – это охренительная штука. Мало того, что ты капитан, ты ещё при этом владелец яхтенной компании, инструктор с большим стажем и даже с именем. Когда у тебя самая большая русскоязычная школа за пределами России, у тебя есть за что самого себя похвалить, за что к тебе едут люди и пытаются попасть именно в твой экипаж. Это тот самый кайф, который кайфовее пустыни.

У тебя есть возможность побыть одному, ну, то есть молчать, когда тебе надо, не отрываясь от остального человечества и не рискуя слететь кукухой. Потому что, на самом де-

ле, бесконечно долго жить одному – это неправильно. Человек, к сожалению, не так устроен, человек должен общаться. Не использовать речевой аппарат, а я знаю, что это такое не использовать, – это неправильно, потому что потом достаточно сложно коммуницировать с людьми. Начинаются гнилые процессы в голове... В общем, это неправильно. Человек должен общаться. К сожалению, это наше абсолютно базовая потребность, которую нужно закрывать ежедневно.

Поэтому на моей лодке всегда есть люди. Они часто очень настроены на общение, но не решаются подойти. Разговаривают между собой:

– А вот интересно, через Атлантический океан сколько идти на такой вот лодке?

Понятно, что я слышу этот вопрос, но я или рулю, или занят такелажными работами, или еще что-то. Если захочу, отвечу:

– Ребята, это занимает три недели, если от Канарских островов до Кариб, а в обратную сторону, от Кариб до Азорских островов, идти месяц, потом ещё две недели от Азорских до Гибралтара.

В общем, если захочу, расскажу, не захочу, не расскажу, но очень здорово, что люди это понимают и между собой тихо перекидываются вопросиками, ожидая, вдруг им всё-таки ответит этот крутой чел за штурвалом.

Я благодарен, что мне попадаются такие хорошие люди, которые не лезут в моё личное пространство. При этом в лю-

бой момент я могу закрыть базовую потребность в общении.

Когда я инструктор, понятно, что я целыми днями разговариваю. У меня рабочий день занимает по двенадцать-четырнадцать часов. Я целый день что-то рассказываю. Мне нравится иногда учить, но я не обязан этого делать. Как там, в Дахабе. Если я не хочу инструктировать, могу недели две-три помолчать. Просто беру наёмного инструктора, у меня много инструкторов и мне есть кем себя закрыть.

Короче, по сути я очень часто молчу, и мне очень кайфово так. Я могу наслаждаться, упиваться своим одиночеством, и одновременно быть занятым интересным, полезным делом. Я несу ответственность за себя и за жизни других людей. Я управляю яхтой, я делаю это охрененно хорошо, я в этом уверен. Потому что моя экспертность за двенадцать лет выросла настолько, что я могу полностью контролировать этот процесс. Всё, что у меня происходит на лодке, я контролирую, всё до последнего. Мне безумно нравится этот контроль вплоть до того, что это уже перешло на уровень бессознательного знания, на автомате.

Сижу я как-то ночью за штурвалом, мы идём на парусах, идём с креном, я сижу, слушаю то ли музыку, то ли аудиокнигу через наушники. Вдруг ни с того ни с сего снимаю с автопилота (лодка обычно идёт на автопилоте, я просто сижу, контролирую процесс). Так вот, я снимаю с автопилота, привожусь к ветру, чтобы крен был меньше, думаю о чём-то, потом уваливаюсь обратно на прежний курс, и включаю

СНОВА АВТОПИЛОТ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.